

Р.Р. БАВДИНОВ

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ УЙГУРСКОГО И КАЗАХСКОГО ЯЗЫКОВ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Литературный язык любого народа – это очень сложная и своеобразная система, которая обладает различными уровнями организации. Основными компонентами – подсистемами литературного языка являются язык художественной литературы, язык публицистики, язык научной и технической литературы, язык официально-деловых документов, язык религиозной литературы и т.д. Литературный язык – категория историческая. Он представляет собой развивающуюся систему, проходящую в своем развитии отдельные периоды, характеризующиеся возрастанием взаимосвязи и взаимозависимости составляющих ее элементов и подсистем. В период формирования и развития литературного языка усложняется его структура, упорядочиваются связи между компонентами, меняется их ведущая роль, в связь включаются новые свойства, появляются новые и исчезают старые элементы и т.д. Движущей силой развития литературного языка как системы являются его внутренние противоречия – противоречия между взаимоисключающими, но неразрывно связанными традиционными и новым на всех языковых уровнях. Однако литературный язык развивается не сам по себе, не изолированно, а в непрерывной связи взаимодействий с другими связанными с ним системами. Так, народно-разговорный язык и язык фольклора, воздействуя на литературный язык, создают его внешние противоречия, которые составляют необходимые средства для развития литературного языка и всегда преломляются через присущие ему внутренние противоречия. Кроме того, литературный язык развивается не только на основе внутренних и внешних языковых противоречий, он испытывает влияние и со стороны исторических обстоятельств. История литературного языка есть саморазвитие системы во времени и среде на основе многочисленных внутренних и внешних противоречий. Главным источником развития литературного языка являются его внутренние противоречия. Внешние языковые противоречия (взаимодействие литературного языка с народно-разговор-

ной речью и языком фольклора) служат средством, а экстралингвистические факторы – условием развития литературного языка, причем они влияют на литературный язык через внутренние его противоречия [1; 75].

Развитие литературного языка процесс длительный, многообразный, сложный, связанный со своими внутриструктурными особенностями, но также осложненный экстралингвистическими факторами, которые формируют язык опосредованно, но могущие изменить облик языка, проникая в глубинные структуры лексики, фонетики, грамматики. Как писал, В.В. Виноградов: «На формирование национального литературного языка, кроме отношения его к предшествующей истории развития письменно-литературной речи, оказали влияние структурные особенности и объем социальных функций разговорного койне, степень диалектной дифференциации, свойства и качества народно-поэтической речи, темпы развития художественной литературы и отдельных ее жанров... между диалектами и формирующими национальным литературным языком – сложная цепь взаимоотношений. Возможны переходные ступени – интердиалекты, полудиалекты, разговорное междиалектное койне, стили фольклора, устной народной поэзии» [2; 5].

Процесс развития языков племени, народности и нации представляет собой последовательный процесс образования определенных языковых общностей и их распада, что было связано с объединением и распадом племен, племенных союзов и народностей, а следовательно, объединения и распада их языков, вплоть до возвышения данной народности в нацию, а данного языка народности в национальный язык. Этот процесс последовательного объединения и распада племен и племенных союзов, а также в более позднее время и целых народностей, усложненный, кроме того, и элементами взаимодействия с другими языками, проходит неравномерно как в отношении времени, так и в отношении пространства. Некоторые племена, объединения племен и народности – более короткое время. Если пле-

мена и роды находились в непосредственной близости к возвышающемуся племени, то их языки подверглись более энергичному перемалыванию и нивелировке. Племена же, которые находились на далекой периферии, по существу не ощущали какого-либо воздействия на свой язык со стороны возвышающегося племени. Значительным фактором в развитии языков племен и народностей являлось также непосредственное и близкое общение с другими народами – носителями других языков. Результатом общения были различные степени взаимодействия этих языков, причем процессы взаимодействия и скрещивания, как правило, не доходили до полного своего завершения, т.е. поглощения одного языка другим. На известном этапе, вследствие различных экономических, политических и прочих причин, взаимодействие прекращалось и каждый из скрещивающихся языков продолжал свое развитие по собственным внутренним закономерностям [3; 121].

Авторы монографии «Социальная и функциональная дифференциация литературных языков» изданная в 1977 году отмечают, что явление варьирования не сводится к одной лишь исключющей сосуществование конкуренции норм литературного языка, просторечия и социального или территориального диалекта, что варьирование средств выражения имеет место и внутри каждой из этих разновидностей национального языка [4; 9].

История литературного языка одним из объектов исследования ставит проблему формирования национального языка (наряду, например, с проблемой формирования нормы, животрепещущей теме историков языка), ярким примером синтеза анализа формирования и нормы литературного языка на материале итальянского языка показывает работа известного исследователя романских языков А.А. Касаткина [5]. Показывая, как кристаллизовался и кодифицировался итальянский язык на фоне противоречивых практических и теоретических установках XVIII–XIX вв., исследователь анализирует обширную литературу, вызванную спорами о языке, которые охватывали «пишущую и читающую Италию», начиная с XVI века.

Предпосылкой образования национальных языков является разложение феодальных отношений, развитие городской промышленности и торговли, рост городов с их смешанным составом населения, освобожденного от прикрепления

к земле и более подвижного по характеру своей деятельности, оживление межтерриториальных связей, обусловленное развитием товарного хозяйства. В этих исторических условиях из элементов поместно-территориальных говоров средневековья возникает общий национальный язык как выражение национального сознания господствующих классов национального государства и как орудие национального объединения, а в некоторых случаях – и национального угнетения, как и национально-освободительной борьбы [2; 13].

Проблема периодизации литературных языков тесно связана с закономерностями развития данных языков народов Запада и Востока, четко вычлененных в исследовании В.В. Виноградова. Он выделяет 4 закономерности, присущей общей логике развития литературных языков. *Первая закономерность* – употребление в качестве письменно-литературного не своего, а чужого языка (классический арабский язык у иранских и тюркских народов, у японцев и корейцев – классический китайский, у германских народов – латинский, в Прибалтике и Чехии – немецкий). *Вторая закономерность*, вытекающая из первой, – это различия, связанные с историческими своеобразиями использования в отдельных странах (например, славянских) чужого языка, различия в общественных функциях, в сферах применения, в составе социальных «потребителей» и степени народности письменно-литературного языка, в культуре народности и в национальной культуре.. *Третья закономерность* развития литературных языков, определяющая различия их качеств и свойств в донациональную и национальную эпохи, состоит в характере отношения и соотношения письменно-литературного и народно-разговорных диалектов в разные периоды их исторической жизни, а в связи с этим – в структуре и степени нормализации литературного языка, в наличии и развитии «культурных диалектов» и «полудиалектов», областных разновидностей письменного языка. *Четвертая закономерность* связана с процессом нормализации обще-литературного языка, базирующегося на народной основе, и с отношением его к старой литературно-языковой традиции. Происходит вытеснение чужого языка народным (для славянских языков к концу феодального строя вытесняются формы старославянского языка, окончательное обособление романских национальных языков от

латинского и формирование итальянского, французского, румынского и молдавского литературных языков) [2; 44-46].

Принципы классификации языков и диалектов – одна из наименее разработанных проблем как тюркского, так и общего языкознания. Отсутствуют достаточные теоретические обоснования для определения типа языка, а также правомерности выделения более мелких его единиц. Понятие типа в применении к конкретному языку может быть многоаспектным. Например, узбекский язык определяется прежде всего как язык тюркского типа, т. е. известная сумма признаков, объединяющая его со всеми другими тюркскими, тем самым отличает данные языки от языков германских, романских, финно-угорских и т. д. С другой стороны, узбекский содержит некоторые признаки, свидетельствующие о его принадлежности к группе кыпчакских языков.

Проблема периодизации истории тюркских языков сложна в силу особой этноязыковой ситуации на всем тюркоязычном пространстве (ср. сложнейшие процессы развития и становления национальных тюркских языков Поволжья, Центральной Азии и Восточного Туркестана, Южной Сибири, Северного Кавказа). С данной проблемой сталкиваются не только исследователи-туркологи, но также настоящий вопрос волнует специалистов других языковых семей. Например, в славянских, романских, иранских, германских, индоарийских языках (частные проблемы периодизации по отдельным языкам, спорные моменты в истории русского, нидерландского, венгерского, баскского, корейского японского, французского, румынского, новоегипетского, ирландского языков) до настоящего времени стоит проблема рассмотрения истории развития и становления языков, входящих в данную языковую группу.

Особая проблема с рассмотренной четвертой закономерностью представляет материал тюркских языков, народный язык (народно-разговорный?) был сильно отличен от арабско-персидского книжного языка. Данное утверждение можно рассматривать как *ареальное различие*, касающееся центрально-азиатского региона. Для среднеазиатского тюрки и чагатайского языка характерно обилие арабизмов и фарсизмов, иную картину представляют южносибирский и северный ареал тюркоязычных народов,

например, современные хакасский, тувинский, якутский языки, в которых удельный вес монголизмов, заимствования из соседних языков. Проблема периодизации тюркских языков рассматриваемого периода (материал казахского и уйгурского языков) должна рассматриваться в синтезе логического развития языка в целом и в репрезентативности историко-лингвистических фактов, которые самоценны сами по себе, так как являются те формы, присущие языку того или иного периода (это касается и вообще вопросов классификации тюркских литературных языков, об этом ниже). В ходе конструирования периодизации истории тюркских литературных языков XVII-XVIII веков может быть проанализирован в сравнительном плане фонетический, лексический и грамматический строй тюркских языков различных ареалов от турецкого языка на западе до тофаларского на востоке, но исследование сложное и вряд ли выполнимое. Возможно, подобное исследование будет слабо верифицировано, так как данный период не менее сложен, чем период XIV-XV веков (утверждения о сложности обозначенного периода писали А.Н. Самойлович, Н.А. Баскаков, А.К. Боровков). До сих пор ни одна классификация истории сложения и развития тюркских литературных языков не является полной или неоспоримой, многочисленные попытки создания подобной периодизации по существу были пробным вариантом описания истории тюркских языков. Что же нам дала классификация тюркских языков, какие факты для периодизации она в состоянии предложить?

Тюркологическая литература располагает целым рядом классификационных схем, предлагавшихся различными учеными и построенных на разных принципах. Наиболее известны классификации И.Н. Березина, Н.И. Ильминского, В.В. Радлова, Н.А. Аристова, Н.Ф. Катанова, Ф.Е. Корша, Н.А. Баскакова, а также обобщенная классификация А.Н. Самойловича. Принципы классификационных схем варьируют в зависимости от удельного веса принимаемых дифференциальных лингвистических признаков, учета географического признака, а также данных истории тюркских языков. Исторические классификации также заслуживают особого внимания. К примеру, в Казани вышел целый ряд исторических сочинений, посвященных тюрко-татарской истории эпохи независимости, прежде всего в форме

учебников. В эти годы были опубликованы труды по татарской истории Г. Ахмарова – «Болгар тарихы» («История Булгара») и «Казан тарихы» («История Казани»), Х.-Г. Габяши – «Муфассал тарих кавме тюрки» («Подробная история тюркского народа»), А.-З. Валиди – «Тюреk вэ татар тарихы» («Тюркская и татарская история») и Г. Баттала – «Тюрки-татар тарихы» («Тюрко-татарская история»), воспевавшие могущество тюркских государств от хунну до эпохи Казанского ханства.

Из книги Леона Коэна «Введение в историю Азии» была во многом заимствована идея единой тюркской родины – Турана. По сравнению с историей Ш. Марджани, начинающей историю татар с эпохи хазар и Булгара, основное внимание концентрируется на истории единства тюркских народов, которое существовало в доисламскую эпоху Тюркских каганатов. Вторым периодом тюркского единства является история империи Чингиз-хана.

В 1915 г. Ю. Акчура также под влиянием трудов Коэна разработал следующую периодизацию тюркской истории:

- 1) Древний период: древняя тюркская цивилизация до монгольского завоевания.
- 2) Средний период: объединение тюркских народов в Империи Чингиз-хана и его преемников.
- 3) Новый период: государства, возникшие при распаде Империи Чингиз-хана.
- 4) Современный период: национальное пробуждение тюркских народов в современную эпоху.

Но вернемся к лингвистическим данным. Общепринятой классификации тюркских языков на настоящий момент нет. Рассмотрим некоторые классификации. В.А. Богородицкий (1934) разделил все тюркские языки по географическому признаку на семь групп: северо-восточную, хакасскую (абаканскую), алтайскую, западносибирскую, поволжско-приуральскую, среднеазиатскую, юго-западную (учитывая при этом лингвистические признаки). В.В. Радлов (1882) выделил четыре группы тюркских языков – восточную, западную, среднеазиатскую и южную. В других классификациях лингвистические дифференцирующие групповые признаки имеют большой удельный вес. Ф.Е. Корш (1910) при классификации тюркских языков выбирал отдельные признаки, охватывающие большие ареалы, к примеру, фонетические и грамматические [6; 18].

Особого внимания заслуживает предложенная классификация А.Н. Самойловича, в одной из своих работ под названием «Общий взгляд на возникновение и развитие мусульманско-турецких литературных языков в связи с разговорными наречиями», ученый показал связь древнейших литературных языков со средне- и малоазиатскими языками «мусульманской эпохи», при этом им особенно подчеркивалось значение смешения огузско-уйгурских диалектов. Автор отмечает сложность и неясность этнической картины в период формирования этих языков, что еще более затрудняет установление диалектной основы последних [7; 105].

В дальнейшем предлагались новые схемы классификации тюркских языков. Так, например, Г.Й. Рамстедт (1935) подразделяет тюркские языки на шесть основных групп: 1) чувашский язык; 2) якутский; 3) северная группа; 4) западная группа; 5) восточная группа; 6) южная группа. Подробнее об этой и других классификациях в [8]. И. Бенцинг и К.Г. Менгес (1959) делят все тюркские языки на пять групп: 1) булгарская; 2) южная или огузская; 3) западная; 4) восточная или уйгурская; 5) северная [6; 20].

В известной степени отличается от предыдущих концепция, разработанная Н.А. Баскаковым (1969), который предложил классифицировать тюркские языки в связи с периодизацией их развития и формирования. Все тюркские языки он делит на две большие ветви – западнохунскую и восточнохунскую. Каждая из этих ветвей в свою очередь разделяется на группы и подгруппы, причем Н.А. Баскаков включает в эти группы и подгруппы как древние, так и новые языки. Западнохунская ветвь включает четыре группы: 1) булгарская; 2) огузская, включающая 3 подгруппы: а) огузо-туркменской; б) огузо-булгарской; в) огузо-сельджукской; 3) кыпчакская, включающая 3 подгруппы: а) кыпчакско-поло-вецкой; б) кыпчакско-булгарской; в) кыпчакско-ногайской; 4) карлукская, включающая 2 подгруппы: а) карлукско-уйгурской; б) карлукско-хорезмийской. Восточнохунская ветвь включает две группы: 1) уйгуро-огузская, включающая 3 подгруппы: а) уйгуро-тукской; б) якутской; в) киргизско-кыпчакской [3; 121].

С.Е. Малов (1952) все тюркские языки разделяет на четыре группы: древнейшие, древние, новые и новейшие. В основу своей собственно-

исторической классификации автор положил совокупность фонетических явлений, определяющих древность или новизну языков [9; 140-141].

Особенно стоит обратить внимание на лексику тюркских языков при классификации. К сожалению, пока отсутствует классификация тюркских языков, широко учитывающая лексический признак. Хотя в некоторых классификациях приводятся лексические критерии, однако последние основываются на степени заимствования иноязычной лексики. Совершенно очевидно, что критерии только такого рода недостаточны. Необходимо подсчитать общие слова в разных тюркских языках. Ареальные исследования лексики тюркских языков предоставляет полезные данные. В тюркологической литературе делались попытки установить лексико-семантические критерии для выделения отдельных групп тюркских языков вообще и западно-кыпчакских, в частности. Западно-кыпчакские языки по наличию параллелей с огузскими языками распределяются таким образом: больше всего огузских элементов в крымско-татарском языке, который в последние столетия имел тесные контакты с турецким языком. То же самое можно сказать и о крымском диалекте караимского языка. Вслед за ними идет кумыкский язык, который имел связи с огузскими языками еще раньше, чем указанные языки. В некотором отдалении стоят карачаево-балкарский и западные диалекты караимского языка, не имевшие непосредственных контактов с огузскими языками в последние столетия.

При подсчете общих слов в разных тюркских языках мог бы быть использован и метод Зольта. Применяя метод простого подсчета основ слов в армянском языке, обнаруживающих сходство со словами других индоевропейских языков, Г. Зольта располагает все индоевропейские языки в следующем порядке: 1) греческий, 2) древнеиндийский, 3) германский, 4) балтийские, 5) славянские, 6) латинский, 7) ирландский, 8) кельтские, 9) албанский, 10) тохарский и т. д. Оказалось, что по количеству корней слов, сходных со словами других языков, армянский ближе всего стоит к греческому и древнеиндийскому, что в известной степени согласуется с его географическим положением. Здесь открываются широкие возможности для применения современных статистических методов и использова-

ния счетно-электронных машин. Можно предполагать, что результаты, которые будут при этом получены, заставят внести коррективы в существующие классификационные схемы тюркских языков. Киргизский язык может оказаться лексически более близким к узбекскому, уйгурскому или алтайскому; узбекский язык может быть лексически более близким к татарскому чем к казахскому и т. д. Особую ситуацию создает рассматриваемый период, так как в этот период в уйгурский язык значительно проникают заимствования из китайского и русского языков. В казахский язык проникают русизмы, и в меньшей мере китаизмы (об этом исследование Б.А. Бафина «Китайские элементы в казахском языке» в виде диссертационного исследования).

Старые письменные литературные языки, в силу вышеуказанных причин, по всем показателям были ближе друг к другу, нежели к соответствующим общенародным разговорным языкам. Характеризируя отдельные старотюркские литературные языки XV-XIX вв., Н.А. Баскаков отмечает: «локальные варианты *турки*, содержащие до 80% заимствованной арабской и персидской лексики, составляющей своеобразный 'интернациональный' фонд, были весьма близки друг к другу и понятны для всех тюркских народов, пользовавшихся этими локальными вариантами» [10; 10]. На основе всего изложенного мы считаем возможным выделить в истории развития тюркских письменных литературных языков следующие периоды: 1) древнетюркский (VI-X вв.); 2) общий старотюркский, то есть период *турки* (XI-XIV вв.); 3) период отдельных старотюркских народных литературных языков, иначе говоря, локальных *турки* (XV-XIX вв.); 4) период отдельных новотюркских национальных языков (вторая половина XIX в. – первая четверть XX в.); 5) послеоктябрьский период развития национальных тюркских языков [10; 11].

Естественно, что все эти классификации условны и оспоримы, но могущие представлять большой интерес для дальнейших разысканий в вопросе периодизации тюркских языков. Рассмотренные классификации оказывают неоценимую помощь при разработке вопроса связанного с периодизацией казахского и уйгурского языков XVII-XIX веков. Необходимо еще раз отметить, что данный отмеченный рубеж не менее труден для исследования, чем предыдущий, то есть, пе-

риод средневековья (XIV-XVI вв.). Если к средневековью относится само сложение основных современных тюркских языков, то к XV-XX вв. относится процесс их дальнейшего развития. Вопросы становления и развития национальных тюркских языков, через анализ письменных памятников обозначенного периода, проводился многими тюркологами, например, исследования З.Б. Мухаммедовой (туркменский язык), Р.Г. Сыздыковой (казахский язык), А.Т. Кайдарова (уйгурский язык), В.Г. Егорова (чувашский язык), А.М. Демирчизаде (азербайджанский язык), М.З. Закиева (татарский язык), Ш.Ч. Сат (тувинский язык) и др. Характерной чертой периодизации тюркских языков является то, что данный рассматриваемый период представлен бегло или вообще не представлен. Сравним выдержки из статей в энциклопедии «Тюркские языки».

Б. Чарыяров и О.Назаров выделяют три периода истории развития туркменского языка: «Первый период – с древних времен до XVIII в. Формирование письменного туркменского языка, известное обособление его от родственных языков относится к XIII-XIV вв. <...> Туркменский письменный язык XV-XVI вв. и последующего периода находился под сильным влиянием среднеазиатского тюркского письменного (чагатайского) языка. <...> С XVIII века начинается второй период, знаменующийся сближением письменного языка с разговорным. В XVIII в. закладываются основы современного литературного туркменского языка» [11; 413]. А.П. Ходжиев придерживается следующей периодизации узбекского языка: 1) староузбекский (XII-XIV вв.); 2) среднеузбекский (XIV-XVI вв., язык произведений Навои); 3) новоузбекский (XIX в. – XX в.); 4) современный узбекский литературный язык [12; 427]. А.Т. Кайдаров отмечает следующее: «Литературный казахский язык сложился во второй половине XIX в. Письменный литературный язык ввиду отсутствия в казахском языке резко выраженных диалектных различий возник и продолжает развиваться на основе общенародного языка [курсив наш – Б.Р.], испытав на первых порах своего формирования некоторое влияние среднеазиатского литературного языка тюрки. <...> Язык периода (XV – сер. XIX вв.), использовавшийся для составления официально-деловых бумаг, в переписке, художественной литературе, исторических сочинениях, получил на-

звание староказахского письменного литературного языка» [13; 243-244]. Г.С. Садвакасов лаконично выделяет 3 периода (по Садвакасову – этапы) развития уйгурского языка: 1) древний; 2) средневековый; 3) современный, распадающий на новый (XVII-XIX вв.) и новейший (XX в.) периоды [14; 438].

Вопросы периодизации и классификации гомогенных языков, имеют возможность раскрыть взаимоотношение языков одной языковой группы в пределах одного языкового ареала. В данном случае нас может волновать вопрос взаимоотношения казахского и уйгурского языков на территории Центральной Азии в рассматриваемый период. Окончательное формирование национального казахского и уйгурского языков проходило в сложнейших социально-политических и культурных условиях. С одной стороны, сильная выживаемость чагатайского литературного языка, с другой – формирование и развитие общенародного языка способствовали образованию литературных языков. Анализ фонетических, лексических и грамматических особенностей казахского и уйгурского языков демонстрирует ареальное сходство, необходимо отметить языковые контакты и процессы интерференции, наблюдавшиеся на всем протяжении формирования языков (анализ формирования татарского и чувашского языков в пределах одного языкового ареала проводил С. Хаттори [15]). Данные тюркских языков, распространенных в настоящее время в различных уголках земного шара и особенно со средоточенных на территории бывшего Советского Союза, дают возможность построить гипотезу о том, что формирование отдельных тюркских языков началось довольно рано и на территории Кавказа, и в южной части современного Ирана, и в районах современного Узбекистана и расселения уйголов – первоначально основного центра огузских и кыпчакских языков. Отсюда они распространились на северо-восток и северо-запад Средней Азии, Сибирь, Урал, Кавказ и т. д. Поэтому народы, пришедшие, например, в районы современного Азербайджана (хотя здесь, очевидно, уже было тюркское население), уже на самых ранних этапах являлись носителями языков, содержащих и огузские, и кыпчакские черты; естественно, что одни из этих черт могли преобладать над другими.

Вышеизложенное служит основанием тому,

что при классификации тюркских языков следует не только учитывать смешанный, нередко двойной тип языка, но и соблюдать четкую и строгую методику отграничения неоднородных кыпчакизмов и огузизмов, существенно или несущественно влияющих на тип отдельных тюркских языков. Следует различать: 1) первичные кыпчакизмы; 2) кыпчакизмы, приобретенные в благоприятных географических условиях при контактах; 3) кыпчакизмы, проникшие через поэзию (ср. язык предшественников Навои); 4) ложные кыпчакизмы как результат процессов конвергентного самостоятельного развития, как результат случайных совпадений. Аналогичный неоднородный характер имеют и огузимы. Изучение языковых процессов будет безрезультатным, если не обращаться к экстралингвистическим параметрам. Чем же характеризуется данный рассматриваемый исторический отрезок времени?

Для Средней Азии, Казахстана и Восточного Туркестана XVII век стал переломным по многим аспектам: международном, социально-политическом, культурном, экономическом. С одной стороны, время усиление Цинской империи, и оккупация маньчжурскими войсками Монголии, Восточного Туркестана, Южной Сибири, Китая. С другой – усиление джунгар, ставшие явной угрозой для безопасности Центральной Азии, позволили многим народам консолидироваться для отражения ударов захватчиков (усиление Казахского ханства и присоединение его к Российской империи). История Джунгарского ханства, внешняя политика которого привела к потери государственности у окружавших его трех народов – монголов, Восточного Туркестана (уйголов) и казахов и усилиению двух соседних империй – России и Китая, а внутренняя политика – к полному исчезновению джунгарского народа требует тщательного и всестороннего анализа. Один факт, последствия джунгарского завоевания отразились также в языке, например, в топонимике Южного Казахстана, в частности, такие географические названия как Чарын, Капчагай, Боралдай, Хоргос – джунгарского происхождения. В истории казахского и уйгурского народов этот период выделяется особо. Для уйголов последствия Цинского завоевания отразились в переименовании Восточного Туркестана в Синьцзян (с китайского «новая граница, земля»), оккупация региона усилила дальнейший упадок эконо-

мики, культуры. Последствия захвата Восточного Туркестана цинами повлекли за собой внутренние и внешние миграции населения (переселение уйголов из Кашгарии в Илийский край, и миграция из Илийского края в Семиречье), стирание национальной и языковой самоидентификации (термин «уйгур» будет восстановлен только в XX веке), угнетение местного населения под бременем непосильных налогов и поборов, разрушение традиционного социально-экономического устройства хозяйства местного населения (уйголов, казахов, киргизов). Необходимо отметить, усиление торговых отношений в рассматриваемом регионе (особенно через Синьцзян) сделало Центральную Азию важным звеном в русско-китайских, русско-казахских отношениях (смотрите исследования Ю.Г. Бараповой, С.Б. Кожевой, М.И. Сладковского, Б.П. Гуревича, В.С. Кузнецова, В.А. Моисеева, Н.А. Алдабековой). На протяжении XVI-XVIII вв. тесно переплетались исторические судьбы казахов, киргизов, уйголов, узбеков, каракалпаков, ногайцев, башкир, русских, калмыков. Для раскрытия внешнеполитических историй казахских ханств этого периода, международных связей центральноазиатского региона необходимо воссоздать подлинную картину контактов казахов и уйголов с соседними народами, проследить их развитие и характер, исследовать политические, экономические, культурные связи народов. XVI-XVII вв. – особый период в истории Казахстана, время укрепления казахской государственности, активных военно-политических, торговых и культурных отношений казахов с соседними странами и народами. В истории уйголов особенно выделяется период XVII-XX вв. В это время в творчестве уйгурских поэтов идеи органично вписывались в ткань художественного произведения, отражающего те или иные процессы в обществе. Ведение философской борьбы опосредовано, с помощью образно-художественных форм миропонимания, выражает характерную черту развития духовной культуры уйгурского народа. Литература и искусство становятся своеобразным языком воспроизведения жизненного материала (социальных отношений, важнейших проблем бытия человека). Другими словами, философские зерна произрастали на почве художественных обобщений. Уйгурские поэты мыслили не абстрактными философскими идеями и принци-

пами, а в художественно-образной форме. Причем философско-человековедческие мотивы были сопряжены с лирико-поэтическим видением мира, что, несомненно, возвышало роль искусства в духовной сфере общества. Можно сказать, что материал искусства служил благодатной почвой, на которой пробивались ростки животворных прогрессивных философско-этических и эстетических идей. Поэты выражали протест против феодальных и колониальных правопорядков, провозглашали идеи свободолюбия, свободомыслия и гуманизма. Проблема человека в поэзии составляет тот узел, в котором органически сливаются, образуя единый контекст взаимодействия, философская и художественная мысль.

В этот период было создано очень много оригинальных произведений, среди которых в языковом отношении исключительно большой интерес представляют, например, сочинения Моллы Мухаммеда Имин Годжамкули оглы Хирхити (1634-1724) «Мүһәббәтнамә вә меңнәткам», Мухаммеда Садыка Зелили (1674-1723?) «Тәзкирә-и чилтән», «Рубай», Новбити (XVIII в.) «Ғәзәлият», «Рубай», Молла Абдалима (XVIII в.) «Исламнамә», Мухаммед Садыка Кашгари (XVIII в.) «Тәзкирә-и өзизан». Особый этап развития уйгурской литературы позднефеодальной времени начинается с творчества (можно предположить) Мухаммада Имина Хиркати (1634-1724 гг.), автора гуманистической поэмы «Любовь и труд» (1670 г.), где выразилось его мировоззрение, отношение к людям. По автору, обладанием всех добродетелей человек обязан труду. Лучшие традиции поэзии Хиркати были восприняты и развиты в лирике Залели (около 1674-1723?) и Новбати (годы жизни неизв.). Произведения Залели отличают высокая художественность и музыкальность, они проникнуты благородными идеями гуманизма, любви к родине. Новбати – современник Залели вошел в историю уйгурской литературы как один из выдающихся лирических поэтов, воспевающих человечность и справедливость. В XVII-XVIII веках поэзия в уйгурской литературе достигла высокого художественного уровня. Были созданы жанры этико-дидактические, любовно-романнические, героические поэмы, творчески освоены такие лирические жанры, как касыда, газель, рубай; совершенствовались поэтический стиль и

изобразительные средства. В конце XVIII-1-й половины XIX века в уйгурской литературе известны поэты Шаир Ахун, Арши, Хислат Кашгари, Норузахун Зияи, Турды Гарibi и, но особое значение имело творчество Абдураима Низари (1770-г. смерти неизв.), который создал свою поэтическую школу. Во второй половине XIX века, в период освободительной борьбы уйгурского народа против маньчжуро-китайского владычества, выдвинулись поэты Садыр Палван, Сейд Мухаммад Каши, Мулла Шакир и др. Они сочувствовали трудовому народу, призывали к освободительной борьбе против колониального и феодального гнёта. Центральная фигура уйгурской литературы XIX века – Билал Назым (1824-99), который создал ряд значительных произведений, проникнутых пафосом вольнолюбия и социального протesta.

А.М. Мугинов один из первых подробно описал уйгурский рукописный фонд Института востоковедения. По поводу этих рукописей он пишет, что «события XVII-XIX вв. нашли особенное широкое отражение в местной исторической и мемуарной литературе, до сих пор мало изученной. Экономические и культурные связи Синьцзяна с Кокандским ханством и Средней Азии вообще оказали большое влияние на развитие синьцзяно-уйгурской литературы в XVIII-XIX вв. Этому способствовали и многочисленные выходцы из Средней Азии, обосновавшиеся в этот период в Кашгаре и Яркенде. В Синьцзяне появились переводы исторических сочинений, распространились рукописные списки широко известных в Средней Азии народных романов и повестей, произведений Навои <...> В целом все эти литературные памятники, оригинальные и переводные, характеризуют литературную жизнь и литературные связи синьцзянских уйгуров в XVIII-XIX вв. и представляют большой интерес для историков литературы и языковедов» [16; 4].

Среди множества художественно-поэтических произведений XVIII-XIX вв. следует выделить цикл поэм «Мүһәббәт дастанлири» или «Гериплар hekайити», написанный известными уйгурскими поэтами Абдреим Низари, Норузахун Зияи и Турдушахун Гериби. Данное произведение состоит из 18 отдельных поэм. Из них поэмы «Пәрһад-Шерин» (2176 строк), «Ләйли-Мәжнун» (1768 строк), «Мәһзүн Гулниса» (1632 строки), «Рабъиә Сөйдин» (1088 строк) [17; 46-47].

Необходимо отметить, что цикл поэм «Мұһәббәт дастанлири» представляет собой исключительно крупное произведение, как по своему объему, так и по разнообразию жанров. Оно отражает, с одной стороны, наивысший этап развития уйгурской классической литературы, продолжающий литературные традиции Средней Азии и Востока вообще, а с другой – степень развитости художественных средств и языка письменной литературы уйгуров конца XVIII и начала XIX в.

Уйгурский литературный язык данной эпохи можно считать с одной стороны как классический, с отшлифованными лексическими единицами, высокой книжностью, вычурностью форм (наличие огромного пласта арабизмов и фарсизмов, масдарные компоненты, кальки с других языков, перенесенные на собственно тюркскую почву). С другой стороны – язык постепенно подвергается медленным, но устойчивым процессам демократизации, становясь более доступным для широких читающих масс, а не только для клерикальной верхушки. Можно сказать больше, происходит вытеснение высокой классики, теряющей свои позиции на фоне нового времени, в новых геополитических условиях. На арену выступает общенародная форма, созданная для народа, и тематически, и содержательно близкой народу. Необходимо отметить, что процессы демократизации начавшиеся в уйгурском литературном языке еще во второй половине XVIII века продолжаются и в XIX веке (данные процессы демократизации литературного уйгурского языка до сих пор не завершены). К тому же, надо учитывать ситуацию диглоссии (две литературные формы одного языка), которая имеет место в современном уйгурском языке, процессы демократизации и нивелировки по-разному протекают как в языке уйгуров СУАР КНР, так и уйгуров стран СНГ.

В период формирования казахской нации казахский язык обслуживал сферы повседневного устного общения, а также сферу устно-поэтического творчества. Роль письменного языка играл среднеазиатский литературный язык тюрки, функционировавший на территории Средней Азии и Казахстана на протяжении многих столетий. Впоследствии формирование казахского литературного языка характеризовалась, с одной стороны, следованием общей литературной традиции и соблюдением устоявшихся языковых

канонов тюрки, а с другой – все более интенсивным вовлечением в сферу складывающегося литературного языка лексических и грамматических элементов разговорной речи. Язык этого периода (XVI- сер. XIX), использовавшийся для составления официально-деловых бумаг, в переписке, художественной литературе, исторических сочинениях, получил название староказахского письменного литературного языка. Со второй половины XIX в. начинается история современного казахского литературного языка у истоков которого стояли выдающиеся поэты и просветители Абай Кунанбаев и Ибраим Алтынсарин [21; 631].

Развитие казахского литературного языка проходило в несколько иных условиях, можно предположить, что казахский язык этого периода (XVIII – первой половины XIX вв.) находился на стадии унификации во всех отношениях (от фонетического до грамматического, особенное место занимает лексический уровень). Демократические процессы в казахском языке начнут проявляться только в период творчества Абая (даные процессы вряд ли завершены, что перекликается с развитием уйгурского языка). Язык устных преданий, шежире, эпосов, легенд, фольклорных малых жанров – это язык «доунификации», «додемократизации». Казахский язык данного периода представляет собой еще сплав нескольких компонентов («лингвистических стихий», если выражаться в духе русского формализма). Во-первых, лежит печать чагатайского культурно-исторического ареала (чагатайский язык вообще создал своего рода «культурный феномен» в Центральной Азии). Во-вторых, большое развитие устного народного творчества создало все условия для фиксации текстов в дальнейшем, что предполагало образование и функционирование стилей казахского языка. В-третьих, особую роль сыграли поэты-жырау и распространители песен, созданных жырау – жириши. Творчество жырау и деятельность жирши изучено довольно слабо, по этой причине, не можем говорить о пропорциональности вклада в развитие казахского языка этих деятелей. Другими словами, происходила некая «мобильность» языка, посредством языковых личностей. В-четвертых, углубляются взаимоотношения казахского и других тюркских народов, в данный период оказавшихся в равных условиях (Восточный Туркестан под властью маньчжур, казахи страдают от набегов

джуңгар), что также отражается в языке (к примеру, творчество поэтов периода «актабан шубрынды»). Крайне важно рассматривать творчество многих казахских поэтов XVIII- первой половины XIX века как определенную веху в развитии зарождающегося литературного казахского языка. Прослеживается определенная хронология в казахской литературе нового времени. В XVI в. были хорошо известны сочинения легендарного Асан-Кайы, ақынов Доспамбета, Шалкииза, в XVII в. – ақына Бухара-жырау Калкаманова, автора острых политических стихотворений. В казахской литературе сложилась традиция проведения песенно-поэтических состязаний между ақынами – *айтысов*. Стали выделяться жанры песен: *толгау* – философское размышление, *арнау* – посвящение и т.д. В XVIII–XIX вв. в творчестве ақынов Махамбета Утемисова, Шернияза Жарылгасова, Суюнбая Аронова появляются новые темы – призывы к борьбе против баев и биев. В то же время ақыны Дулат Бабатаев, Шортанбай Канаев, Мурат Монкеев представляли собой консервативное направление, идеализируя патриархальное прошлое и восхваляя религию. Ақыны 2-й половины XIX в. Биржан Кожагулов, Асет Найманбаев, поэтесса Сара Тастанбекова и др. использовали айтысы как форму выражения общественного мнения, отстаивая социальную справедливость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галяутдинов И.Г. История литературного языка как саморазвитие системы (общеметодологические проблемы) // Советская тюркология – 1988, №2 – С. 75-80
2. Виноградов В.В. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития – М., 1967
3. Баскаков Н.А. К вопросу о классификации тюркских языков // Известия АН СССР. Отделение языка и литературы – 1952, том XI, вып. 2 – С. 121-134
4. Социальная и функциональная дифференциация литературных языков – М., 1977
5. Касаткин А.А. Очерки истории литературного итальянского языка (XVIII-XX вв.) – Л., 1976
6. Гаджиева Н.З. Тюркские языки // Языки мира. Тюркские языки – Бишкек, 1997 – С. 17-34
7. Самойлович А.Н. Общий взгляд на возникновение и развитие мусульманско-турецких литературных языков в

связи с разговорными наречиями // Советская тюркология – 1973, №5 – С. 105-110

8. Баскаков Н.А. Алтайская семья языков и ее изучение – М., 1981
9. Малов С.Е. Древние и новые тюркские языки // Известия АН СССР. Отделение языка и литературы – 1952, том XI, вып. 2 – С. 135-143
10. Закиев М.З. О периодизации истории тюркских письменных литературных языков // Советская тюркология – 1975, №5 – С. 3-
11. Чарыяров Б., Назаров О. Туркменский язык // Языки мира. Тюркские языки – Бишкек, 1997 – С. 412-426
12. Ходжисев А.П. Узбекский язык // Языки мира. Тюркские языки – Бишкек, 1997 – С. 426-437
13. Кайдаров А.Т. Казахский язык // Языки мира. Тюркские языки – Бишкек, 1997 – С. 242-254
14. Садвакасов Г.С. Уйгурский язык // Языки мира. Тюркские языки – Бишкек, 1997 – С. 437-450
15. Хаттори С. О формировании татарского и чувашского языков // Вопросы языкоznания – 1960, № 3 – С. 86-94
16. Мугинов А.М. Описание уйгурских рукописей Института народов Азии – М., 1962
17. Кайдаров А.Т. Развитие современного уйгурского литературного языка. 1. Уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка – Алма-Ата, 1969
18. Журавлев В.К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции – М., 1982
19. Йусупов Р. XVI-XVII өсирлөр уйғур әдәбиятынин ривалиниш алғандаликлири // Уйгуроудение в Казахстане: традиция и новация – Алматы, 2006 – С. 237-243.
20. Арзинев Р.У. Уйгур тили – Алмута, 2006
21. Малов С.Е. К истории казахского языка // Известия АН СССР. Отделение языка и литературы – №6, 1941 – С.631-633

Резюме

Мақала қазіргі таңдағы түркі өдеби тілдерінің кезеңдерге болу мөселеісіне арналған. Автор экстралингвистикалық факторлардың (этногенез күрделілігі, тайпалардың кіши халықтарға, сонысын үлтқа консолидациясы) байланысты қатысты тақырыптың күрделі болып келетінің аса көрсетеді. Автордың басты нәтижесі, кезеңдерге болу процесінің XVII-XIX ғғ. алдындағы ғасырлар сияқты аса шиеленіспін және аса күрделі болып келуінде.

Summary

The article is devoted to the problem of periodization of the Turkic literary languages of the modern time. The author points out the difficulty of the problem connected with the extra-linguistic factors such as a complex nature of the forming of ethnic groups (ethnogenesis) and consolidation of tribes into nations. The main conclusion of the article relates to the fact that the period in question, that is XVII-XIX cc., is quite complicated and disputable as well as the previous ones.